

Кризис жанра

Я: Нас познакомил его сын. Вернее, именно он нашел меня для себя. Подходя ко мне, он уже знал, что я ему нужна. Я, вырвавшая у самой себя полчаса времени, — чтобы посидеть на скамейке, оторваться от общества и почитать хоть что-нибудь, помимо новостной ленты Фейсбука и информационных агентств. Я, не нуждавшаяся в нем, как мне казалось. Я, уверенная, что гармония — в одиночестве, а жизнь — это этапы.

Этап семейных отношений я считала пройденным. Я хотела побыть с собой. Официально я выгуливала собаку, а неофициально пыталась осознать жизнь, которую построила с тех пор, как решила быть с собой честной. Честно сказать себе, что я не люблю и не хочу менять свою жизнь в лучшую сторону (если в той стороне меня ждет обуза в образе нелюбимого мужа).

Я вернулась к работе с одной целью — заработать денег — и честно признавалась себе в своих недостатках. И помнила об этом каждый раз, когда шла на компромисс с совестью и принципами.

К черту! К черту идеалы, и особенно — к черту иллюзии! Не хочу иллюзий, не хочу обманываться. Хочу жить своей жизнью. Одна. В разводе. С мужниной собакой. На съемной квартире. Без любовника. Красивая.

— Привет.

На другом конце скамейки сидел ребенок. Симпатичный мальчик. Я его видела раньше в этом парке, когда выгуливала Хорошо. Хорошо — это мой пес, джек-рассел-терьер. Его зовут Хорошо, потому что, когда муж привез его в дом, мне очень хотелось, чтобы мне стало хорошо. Где же папа? Папа стоял в нескольких метрах. Замер. Хорошо так делает, когда слышит — нет, даже чует — другую собаку, но еще не понимает, в какую сторону нестись.

— Привет, — сказала я мальчику. — Как тебя зовут?

— Миша.

Он замолчал. И что мне теперь делать? Как разговаривать с ребенком, который явно чего-то хочет (а чего — непонятно), а его папа готов броситься к нему, схватить в охапку и убежать, унести его от меня? Ну, по крайней мере, он так выглядел.

— А я Маричка. Что ты делаешь?

— Гуляю. Я нашел орех!

— Покажи! — Фух, есть повод для разговора.

Я не умею с детьми. У меня нет детей, а моя племянница любила моего мужа больше, чем меня. Когда нужно писать интервью с ребенком — это кошмар. Приходится притворяться, что дитё меня интересует, а оно это

чувствует и открываться не хочет. Конечно, если оно еще не испорчено мамой, которая успела научить, что тете с телевидения надо улыбаться и тогда будет шанс появиться в телеке...

Мальчик, не отрывая от меня завороченного взгляда, проехался по скамейке. Показал орех. Сел рядом. Я ему нравлюсь, видимо. Интересно, что он обо мне думает? Что я хорошая? Дети же должны чувствовать настоящего человека. Может, не все еще потеряно?

Но папа странный. Он ведет себя так, как я — с Хорошо. Когда мы гуляем и он находит себе друга в парке, другую собаку — то я так же стою в стороне и наблюдаю за ними. А в другой стороне — хозяин другой собаки. Мы не вмешиваемся в собачью дружбу, и их отношения — не повод знакомиться людям. С детьми, видимо, так же? А я переживала, что если рожу ребенка, то придется поддерживать знакомство со всеми мамашами из дома. Буду, как этот папашка. Если рожу.

Миша уже расспрашивает меня, где я живу и есть ли у меня дети. Закрадываются подозрения, что ребенка научили и подослали. На самом деле я и раньше видела этих двоих, и они успели себя зарекомендовать. Не лучшим образом. Хотя... Если бы я больше разглядывала мальчика, была бы благосклоннее. Но я его слабо помнила. Случись вдруг какое происшествие и в деле я проходила бы свидетелем, на вопрос следователя: «Были ли в парке еще люди?» про Мишу я сказала бы: «Ребенок. Лет трех. Чуть выше колена». А вот того, кому принадлежит колено, описывать можно было бы на нескольких листах А4. Наверное, в отделении о таком лучше не заикаться...

Первое впечатление было прекрасным и длилось ровно мгновение. Минутка с богом из древнегреческой мифологии. Мне нравится такой тип мужчин, и редко выпадает возможность на такого посмотреть. Он взрослый. Но фигура еще не превратилась в выставку вредных привычек. Живот — подтянут, плечи — распрямлены, глаза — светлые, вокруг глаз — признаки усталости, но не вчерашнего праздника. Вместо этого — на лицо другие пороки. Он кажется жестким, пожалуй, даже жестоким. Холодный. Я поехала. Может, это от цвета глаз или от взгляда... Излишне прямой взгляд. Люди, которые так бескомпромиссно смотрят, вызывают желание спрятаться. Но если он смотрит не на тебя, то... С эстетической точки зрения он все-таки красивый. Светлые волосы, опять-таки, жесткие, как и все остальное. Остальное? Хм... Понятия не имею, каким может быть такой мужчина в постели. Ему больше подошло бы позировать для скульпторов в мастерской. Сильные ноги, сильная шея — это мне нравится. Такого не хочется трогать и отвлекать. На него можно просто смотреть. Часами. Но у меня этих часов не было, и очень скоро я заметила, что не одна такая. Женские шеи выво-

рачивались, а глаза прищуривались. Чего это? Ведь он не яркий, не модный типаж латиноамериканца! Наверное, высокий рост, и в целом уверенность в походке — привлекают. Может, это что-то подсознательное? Может, он какие-то феромоны выделяет, и женщины это чувствуют? И я это чувствую?

Яркий только взгляд, но многие подходят, даже не дожидаясь, пока он посмотрит. Я видела, как некоторые предлагали ему свою компанию. Мне уже было неинтересно, принимал ли он эти зазывные приглашения. Я вернулась в свои мысли. Бог вознесся на Олимп, а в скверике остался тридцатипятилетний отец ребенка. Такой сентиментальный, трогательный, ведь мужчины так многообещающе смотрятся с детьми. Ему — все внимание мамочек, нынешних и будущих. Отсюда вывод: пока жена делает карьеру или ждет его дома, он здесь, совмещает приятное с полезным. И сына выгуливает, и девочек цепляет. Нет ничего скучнее популярных мужчин... Стоит мужчине улыбнуться мне самоуверенной белоснежной улыбкой, посмотреть томными глазами в обрамлении длинных ресниц, как он тут же становится сексуально непривлекательным. Такие мужчины не добиваются женщин, не работают над собой. Они просто ждут, когда бабочки прилетят и он с ними будет синхронно махать ресничками. Очень сомневаюсь в перспективах пережить бурную ночь в постели такого субъекта.

Короче, в этот раз я не хотела знакомиться с папой. Но он подходил ближе. Стоял уже у скамейки и продолжал удивленно смотреть на нас с Мишей. Мне становилось неудобно. Все хуже, чем я думала. Я ожидала хотя бы услышать голос мужчины, избалованного женским вниманием, заранее уверенного в том, что я ему симпатизирую, и разговаривающего с женщинами снисходительно-вежливо. Но этот, видимо, не собирался говорить. Ждал, когда я первая заговорю? Нельзя же быть таким ленивым! Фу! Сел рядом.

— Это мой папа.

Хороший мальчик! Спасибо тебе.

— А-а-а... Ты с папой гуляешь? А я с собакой. Ты любишь собак?

— Да.

— У тебя есть дома собачка? Или котик? Или попугай? — Он отрицательно качал головой. — Вы не против, если я их познакомлю? Терьер у меня дружелюбный, детей любит. У Миши нет аллергии на собак? — Все-таки я не выдержала и обратилась к нему первой. Но постаралась придать голосу деловитости. Чтоб не вздумал, что мне нужно что-то более одного короткого ответа.

Он медленно поднял глаза. В них читалась какая-то мысль. Он ее думал. Потом, не переставая меня рассматривать, тихо сказал: «Можно». Это мне и было надо, я взяла мальчика за руку и перевела через тротуар на поляну.

Хорошо там рыл носом снег. У них с Мишей сразу определилась взаимная симпатия. Началась детско-собачья возня, уходить никто не собирался. А мне по-прежнему хотелось побыть одной. Помечтать, погреться под зимним солнышком. Малыш милый, но его папа меня раздражал. Хотя, может, он не такой уж и плохой. Судя по встревоженно-болезненному виду, с ним не все в порядке. А я надумала уже... Это все опыт.

Ничего хорошего большое количество романов женщине не дает! У меня уже есть набор стереотипов, и, встречая нового представителя противоположного пола, я подбираю ему костюмчик впору, то есть типаж. Может, женщины этого спального района знают его и так любезничают не только потому, что он красивый, а потому, что еще и жалость вызывает? Наверное, он слабоумный, сидит с ребенком на пенсии, а жена вкалывает на нескольких работах. Или... Так, я начинаю гнать. Пора прощаться с этой парочкой и возвращаться к своим делам.

Я попрощалась с Мишей. Он мне улыбнулся. И долго махал рукой вслед. Папа так ничего и не сказал.

Люди — идиоты. Я сержусь на глупость, которую не исправить. Мои герои, отшельники в лесу, которые решили бросить вызов миру, бросить обычную жизнь и уехать жить в лес, — кончили плохо. Сегодня мне позвонили и сказали, что Алена, жена отшельника, умерла от панкреатита. Это подрывает веру в сыроденение... И в жизнь вне социума. Я злая. Можно как угодно экспериментировать, пробовать, рисковать... Но зачем все это, если заканчивается смертью? Ведь не переиграешь уже, ничего не вернешь. Что десять лет назад стукнуло в голову паре художников-оформителей бросить театр, взять трехлетнего ребенка и уехать в лес? Какой бред... А я ими гордилась. Вот, был у меня пример смелых и успешных. Нет уже...

Возмущенная бессилием, я возвращалась домой с работы. Возвращалась я уже долго. Выйдя из метро, не повернула к дому, а перешла через дорогу, чтобы побродить по набережной залива. Здесь красиво, и тут много фонариков, а я очень люблю фонарики ночью. Они заставляют верить в сказку. Мысли о сказке опять вернули меня к семье отшельников. Как жалко...

Вдоль набережной — нетипичные для столицы дома. Четыре-пять этажей, дворики. Не экономно, богато, уютно. Люди, которые живут здесь, — тоже отшельники? От населения Украины — да. Но они наверняка в системе, кто в какой. Кто — в политике, кто — на госслужбе, кто — в шоу-бизнесе. Художники Олег и Алена бежали от системы. Все-таки нужно им отдать должное, десять лет они верили в себя...

— Маричка?

— О, привет. — «Еще одни отшельники», — пришло мне в голову. — Ты чего гуляешь так поздно?

— Я с папой.

«Кто бы сомневался?»

— Добрый вечер, — сказала я папе. Мне уже было все равно, думает он, что я на него запала, или нет. Больной он или гордый, ловелас или уставший от внимания — все равно. Я тоже устала. Я очень устала. Мне больно и горько.

— Добрый вечер, — сказал он.

— А где собачка? — спросил Миша.

— Дома. Я с работы иду, еще не успела с ней погулять.

— Птичка.

— Что?

Он трогал рисунок, выбитый на моих сапогах.

— Миша, не надо так делать. Они же грязные. — Я начала искать влажные салфетки в сумке. Весь день я провела в зоне отчуждения. Работаем на перспективу, через несколько месяцев будет апрель и все опять вспомнят Чернобыль и последствия. Меня носит в таких местах, что детям меня трогать строго запрещается.

— Давай ручки.

Салфетки радиацию, конечно, не вытрут. Но успокоить себя иллюзией действия — это все, на что я способна. Ну, еще можно надеяться на авось и на то, что земля в зоне — чистая от радионуклидов.

— Как твои дела, Миша? — Мне так захотелось, чтобы он что-то рассказал!

И он рассказал: что птицы ели хлеб, а он до этого ел печеньки, а мультик был про котов, а коль-коль делают всем деткам, а в окошке плавают кораблики. А папу в окошке не показывают, папа приходит с работы с другой стороны дома. А птицам нельзя давать хлеб из окошка. Нельзя, без причины. Он ее не знает. Игорь Борисович обжег руку. У него сегодня гости были. У Игоря Борисовича, у которого день рождения и который обжег руку на кухне.

Мне стало интересно, как же Игорь Борисович праздновал день рождения. И с чем были печеньки: с изюмом или с шоколадом. Я рассказала, что больше всего люблю булочки с маком, и я тоже обжигала руку, но она зажила, ожоги не навсегда. Так прошло много времени. Ну, так кажется, что много, на самом деле, наверное, минут двадцать. Но мне показалось, что не меньше часа. Потому что стало хорошо и всего много. Много всего хорошего в жизни. Все горькое стало неважным, а важными сделались вещи, на которые я не обращаю внимания уже давно.

Хорошо ведь, когда солнышко. И когда дождь — хорошо, тогда можно обуть сапожки резиновые. У меня четыре пары: красные — любимые.